

Елена САДЫКОВА

КЛУБОК КОРОТКИХ НИТЕЙ

Елена Геннадьевна Садыкова

Клубок коротких нитей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23961257

Клубок коротких нитей / Елена Садыкова: Юнион Консалтинг Групп;

Москва; 2010

ISBN 978-5-903691-07-4

Аннотация

Я провела часть жизни на Арабском Востоке. Жизнь там устроена совсем не так, как видят ее туристы. Но дело даже не в этом. Я бы хотела обсудить с читателем, что сегодня многое в нашей жизни устроено совсем не так, как мы привыкли или хотели бы видеть...

События в книге начинаются в тот момент, когда героиня пытается сбежать на край света, чтобы освободиться от посягательств надоевшего мужа. Оказавшись в чуждой стране, она попадает в водоворот необычных и опасных происшествий. Секретные лаборатории в пустыне и запрещенные эксперименты, торговля людьми и новейшие исследования мозга – это далеко не все детали двигателя под названием современная экономика. Границы теперь не имеют значения. В постиндустриальную экономику смерти закачиваются огромные

средства, и финансовые насосы не прекращают свою работу ни на минуту.

Неожиданно для себя став свидетелем загадочного убийства, героиня использует древний манускрипт Абу Али Ибн Сины, чтобы коренным образом изменить свою жизнь. Чтобы понять, что происходит вокруг, нужно распутать клубок событий прошлого и настоящего.

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	24
5	28
6	38
7	45
8	50
9	54
10	57
11	63
12	70
13	76
14	82
15	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Садыкова

Клубок коротких нитей

Где нет свободы, там нет сомнений...

1

17 июля 2003 г.

Правду говорят, что ребенок – самый страшный покойник. Неизрасходованная жизненная сила витает поблизости, наполняя тоской и страхом сердца тех, кто его видит. Поначалу Карл фон Дитрих, глава огромной лаборатории нейрофизиологических исследований CASSEL успокаивал свои страхи тем, что потихоньку вкалывал себе несильный транквилизатор, стараясь отделаться от навязчивых мыслей. Боря в руки очередной контейнер с человеческим мозгом, порой еще теплым, он старался не спрашивать себя, откуда в его руки попадает этот материал.

Несколько лет назад он занялся исследованием детского мозга, как самого перспективного объекта с научной точки зрения. Детский мозг растет, обладает способностью само-

развития и самоизлечения. Процессы в нем идут в несколько раз быстрее, чем в мозге взрослого человека. Поэтому Карл поставил перед акционерами CASSEL вопрос о переходе со взрослого материала на детский в его новых лабораторных исследованиях.

Поначалу это была заурядная лаборатория на севере Индии, основными задачами которой были разработка психотропных препаратов и исследование их воздействия на мозг человека.

Благо исследовательского материала было предостаточно, ведь индусы – самая плодовитая нация. Постепенно исследования, проводимые фон Дитрихом, британцем немецкого происхождения, вывели небольшую компанию CASSEL на новый уровень финансирования – ими заинтересовался WCI, компьютерный мегамонстр, лаборатории которого уже несколько лет упорно пытались создать искусственный интеллект.

Карл быстро понял, что проблема специалистов WCI в том, что они пользуются двоичным кодом для создания и хранения информации, тогда как живой мозг – троичная система. Это не его, Карла, изобретение. Еще несколько тысячелетий назад, на заре цивилизаций Междуречья это состояние материи описали довольно подробно. И теперь WCI, который купил CASSEL вместе со всеми специалистами, при-

шлось пересматривать многие программы, переводя их на качественно новый уровень, благодаря данным, полученным в лаборатории Карла.

Первое время все шло прекрасно – неограниченное финансирование, поставки человеческого материала и новейшего оборудования. Лучший персонал со всего мира, который только можно было купить или заставить работать в этом диком месте. Карл пребывал в эйфории: банки данных стремительно пополнялись, и аналитический центр, занимавший почти весь третий этаж просторного свежестроенного особняка, едва справлялся с обработкой данных, поступающих из лабораторий со второго этажа. На четвертом этаже располагались квартиры сотрудников, а на пятом – апартаменты руководства. Первый этаж огромного административного здания занимали кухня, прачечная и ремонтные мастерские. А вот что делалось на нулевом уровне – Карла до поры до времени не интересовало, пока месяц назад не произошел один странный инцидент.

Особняк, подобно старинному замку, был огорожен двумя стенами – высокой внешней, защищавшей тех, кто здесь работал, от постороннего шумного мира, и внутренней – пониже, больше страховочной, чем функциональной. По средам регулярно, ровно в 15.00 металлические ворота внутренней стены поднимались, впуская небольшой синий мик-

роавтобус с затемненными пуленепробиваемыми стеклами, который быстро исчезал в тоннеле подземных гаражей. Карл знал, что это привозят новый материал. По четвергам микроавтобус выезжал обратно и не появлялся на территории CASSEL до следующей среды.

В этот день все шло как обычно, ворота открылись, микроавтобус въехал на территорию и скрылся в тоннеле. Это было в 15.05. А через полчаса в одной из лабораторий на втором этаже поднялся страшный шум. Некогда звенящая тишина особняка заполнилась детским криком. Этот крик, переходящий в визг, врзался в перепонки и не давал сосредоточиться. Карл бросил обед, который ему накрывали в застекленной лоджии апартаментов с видом на парк, и спустился в лабораторию № 17. Лаборатория была пуста.

Разбитые стеллажи, перевернутая картотека и несколько стульев, валяющихся в проходе, – вот зрелище, которое застал Карл, войдя в комнату через боковую дверь. По коридору удалялся детский визг, эхом разносившийся в пустых гулких переходах. Карл выглянул за дверь и увидел двух санитаров, уносивших какого-то ребенка, извивающегося словно змейка. На лбу у Карла выступила испарина. Он поднял один из стульев и сел. Колени слегка дрожали. Его холодный научный ум старался не думать о том, что здесь произошло несколько минут назад. В горле пересохло. Он с трудом поднялся, подошел к аппарату внутренней связи и прохрипел в

трубку:

– Бруно, почему лаборатория № 17 в таком состоянии?

На другом конце возникла заминка. Потом тот, кого называли Бруно, спокойно сказал:

– Это обезьяна, господин Карл. Их этим летом слишком много. Мы завтра же пустим ток по внешней стене. Я уже осмотрел лабораторию. Убытки незначительны. Все восстановим через сорок минут, вы как раз закончите обедать...

Карл повесил трубку. Обезьяна? Это объяснение его устроило. Он не хотел даже представить то, что здесь случилось на самом деле. Как мог ребенок из бункеров тоннеля проникнуть на второй этаж, минуя охрану и систему защиты? Слишком давно их не тревожили конкуренты, вот охрана и расслабилась.

И все же его не оставляла скверная мысль, что сегодня привезли новую партию живых детей, чей мозг через пару часов попадет в руки Карла и его специалистов. В четверг синяя машина вывезет останки, и так до следующей среды.

Спустя какое-то время Карл стал нервничать при приближении среды. Иногда его волнение было столь сильным, что приходилось успокаивать себя небольшой дозой легкого транквилизатора. Потом доза стала больше, а через пару лет он уже не знал, какой сегодня день.

Акционеры забили тревогу и поместили Карла на год в лечебницу в Европе, из которой он вышел лишь пару недель

назад и устроился в своей квартире в центре Лондона, в ожидании решения совета директоров – допустить ли его обратно к работе или еще с годик повременить. Все прекрасно понимали, что год – слишком дорогой срок. Потери могут быть невосполнимыми для инвесторов. Лабораторию на время отсутствия фон Дитриха возглавил Алекс, молодой способный британец, четыре года проработавший под руководством Карла и усвоивший многое из того, что делал шеф. Единственное их отличие было в том, что у Карла было особое чутье, которое позволяло вести работу в нужном направлении, давая результаты, которых не смог добиться в столь сжатый срок ни один исследовательский центр WCI. Лаборатория в Индии исправно работала и без Карла, но результаты пока не слишком-то радовали...

9 апреля 2008 г.

Мокрые хлопья весеннего снега шлепали по лобовому стеклу, и дворники деловито сдвигали на край белый сугроб, плавно стекающий вниз. Зажглись первые фонари, и ночь тихо опустилась на капот моей машины, припаркованной возле центрального городского рынка. Все дело в том, что моя подруга Алка привыкла по выходным ездить на рынок закупаться свежими продуктами. Сегодня ее Honda «не завелась, мерзавка», и она, прокопавшись полдня с эвакуаторами и автосервисами, на неделю осталась без руля. Алка позвонила часа в два и попросила съездить «за едой» под тем предлогом, что сегодня я была временно одинокая и вполне годилась на роль ее водителя.

Ее няня, вернее няня ее детей, не признавала супермаркетов и требовала свежие продукты с рынка от проверенных поставщиков. Алка кротко исполняла требования Маргариты Семеновны, потому что та была непревзойденным домашним волшебником. Высокая дородная дама, которой Алка была где-то по подбородок, руководила в доме моей

подруги всем движимым (детьми, собакой, золотыми рыбками) и недвижимым имуществом. Вначале, когда Маргарита Семеновна только появилась в Алкиной жизни, я недоумевала, как своенравная и капризная Алка встает чуть свет в воскресенье и ездит по рынкам со списком своей домохозяйки, с видом маньяка ставя крестики напротив пунктов, которые уже лежат в багажнике. Объяснялось все просто – Маргарите удавалось содержать Алкин дом и детей в идеальном состоянии. Все приборы в доме работали, все уроки были сделаны, все занятия исправно посещались. Все сыты и счастливы. Ради этого стоило тратить полдня личного времени на закупки, и Алка, как школьница, боялась вызвать неудовольствие матроны, которая одинаково легко управлялась и с водопроводчиками, и со школьными наставниками детей. Постепенно мы все привыкли, что в воскресенье до обеда Алка недоступна, пока не сдаст Маргарите все необходимые для жизнеобеспечения закупки. Алкина мама – дама в меру гламурная, поэтому подруга старалась не злоупотреблять матушкиным гостеприимством и детей надолго ей не оставляла. Нечего и говорить, что Маргариту она считала наградой свыше за свой праведный труд и старалась четко выполнять условия контракта. Поскольку Маргарита «не могла бросать дом и детей, чтобы бегать по магазинам», Алка должна была закупаться на неделю и обеспечивать дом запасами и карманными деньгами, которые строго учитывались Маргаритой.

На рынок я ходила редко, меня раздражают базары всех видов. Поэтому я сидела в машине в ожидании подруги и убивала время, рассматривая дамские журналы. В моей машине, если поискать, всегда можно найти что-нибудь полезное. Я сама такие журналы не покупаю и не читаю. Каким образом они сюда попадали – никто не знал, но факт: они непременно водились на заднем сиденье и даже периодически обновлялись. Глянцевые девушки радовали меня своим загаром и обилием бижутерии. Было приятно смотреть на их летний антураж под снежным вихрем запаздывающей весны. Замечтавшись, я не заметила, как появилась Алка с неимоверным количеством пакетов в руках. Она сделала попытку открыть дверь, но ручка примерзла. Какой-то пакет вырвался у нее из рук и с мягким стуком упал в сугроб, который к ее появлению успело наместить. Я швырнула журнал обратно на сиденье и нехотя вылезла из машины. Посмотрев на количество пакетов, я покачала головой.

– Здесь нужна машина побольше.

Алка состроила гримасу:

– Здесь нужна не машина. Нужен мужчина.

– Зачем?

– Сумки принести. Там на рынке еще несколько осталось. Я попросила одного торговца присмотреть, пока эти донесу.

– Я тебе удивляюсь! Как это ты смогла выйти с рынка без сопровождения?

– Я было присмотрела одного, но передумала. От него потом долго избавляться.

– А мне казалось, ты всегда это быстро делаешь.

– Мне тоже так казалось, но на последнего хелпера у меня ушло полгода.

Я принялась запихивать пакеты в багажник, старательно уворачиваясь от снежных завихрений, пока Алка бегала за оставленными на произвол рынка пакетами. Через четверть часа мы наконец управились и выдвинулись с рынка.

Алка изо всех сил стала не курить, потому что я была против курения в машине, после того как сгорел мой новый Peugeot. Она недовольно посматривала на спидометр и на свои новые часы, задерживая на них взгляд немного дольше, чем на приборах.

– Ты чего ползешь? Маргарита устроит мне истерику! Она мне уже два раза звонила. Рыбкам срочно нужен живой корм.

– Если поеду быстрее, то истерику устроит мой муж. Он, видите ли, устал менять мне машины.

Алка вздохнула.

– Я бы на его месте тоже устала. Две машины в хлам за полгода. Тебя еще страхуют в этом городе?

– Нет. Но всегда благодарят «за то, что обратилась в их компанию».

Алка рассмеялась.

– Ладно. Сдадим запасы и двинем к тебе. Сваришь мне

кофе, а я расскажу тебе последние сплетни.

Я поморщилась.

– Может, не ко мне? Ты не сильно пострадаешь, если тебе кофе сварит какой-нибудь бармен?

Подруга с интересом посмотрела на меня.

– У твоего что, опять депрессия?

– Он в кризисе. Хорошо, что сына отвезли к бабушке на пару недель. У них каникулы, ну, ты знаешь...

Алка достала пачку сигарет, покрутила в руках, но, спохватившись, спрятала обратно в сумочку.

– И что на этот раз?

– Да ничего нового. Он должен половине города, остальная половина города должна ему. Денежные потоки не стыкуются, новая секретарша ему отказывает, так что у нас очередной кризис.

– Надолго?

– Навсегда.

Алка пристально посмотрела на меня.

– Что-то ты мне сегодня не нравишься, дорогая...

Мы подъехали к невысокому дому красного кирпича, весь двор которого был заставлен машинами вперемежку с детскими колясками и огромными коробками вселяющихся в соседний подъезд жильцов. Стайка детей неопределенного возраста кидалась снежками, отчего машины на парковке завывали страшным голосом. Среди этой неразберихи Марга-

рита Семеновна, чинно ступая, выгуливала собаку и Алкиного младшего одновременно. Подруга скомандовала:

– Оставайся в машине. Пакеты мне Маргарита поможет унести. Вернусь, поедem к Вадиму.

9 апреля 2008 г.

Вадим – наш знакомый ресторатор. Он хорошо знает, как угодить женщинам, считающим, что еда – одно из лучших времяпрепровождений. Алка быстро выяснила, в каком именно ресторане мы сможем его сегодня найти, и мы стартовали. Дороги были полупустыми, народ расслаблялся в преддверии рабочей недели. Хороших мест в ресторане уже не было.

Бронь администратора заняло какое-то именитое семейство, и нам пришлось довольствоваться небольшим столиком почти у самого входа. Алка смогла наконец закурить и теперь в ожидании заказа просматривала любовные послания в своем телефоне и сладко хихикала. Я мучилась от безделья и разглядывала посетителей. Неподалеку от нас свежерыкрашенная блондинка прижималась огромным бюстом к своему кругленькому спутнику и что-то мяукала ему на ушко. За столиком справа две пожилые дамы в искусственном жемчуге потягивали водку под груздочки, и мне вдруг страшно захотелось напиться.

– Ал, ты мою машину на стоянку поставить сможешь?

Алка, занятая дружественной перепиской с каким-то очередным поклонником, оторвала взгляд от своего мобильного и уставилась на меня.

– Ты что, выпить хочешь?

– Ну, мне же не надо завтра к редактору. Это у тебя по понедельникам политес с начальством, а у нас, домохозяек, все дни в календаре – понедельники.

Подруга пожала плечами и процедила:

– Как знаешь. А муж одобрит?

Я огрызнулась:

– А ты всегда о муже думала, когда приезжала сюда за полночь?

Алка не стала продолжать скользкую тему, тем более что за наш столик подсел Вадим и обслуживание заметно ускорилось.

– О чем грустим, дамы?

Алка улыбнулась ему своей отрепетированной улыбкой очаровательной бестии. Таких улыбок у нее был целый арсенал – на каждого мужчину и по каждому случаю.

– О мужьях.

Вадим рассмеялся:

– Насколько я знаю, Елене рано грустить о мужьях, у нее всего один. Тебе, Алочка, уже поздно. Как только я насчитал больше трех, я перестал с ними знакомиться.

Вадим проследил взглядом, как официант ставит передо мной графинчик, и неодобрительно кашлянул.

– Чего ж сразу водку-то? Может, я чего не знаю?

Алка придвинулась к нему поближе и прошипела как гусыня ему прямо в ухо:

– Вадик, дорогой, я тоже не все знаю. Дамочка что-то скрывает, оттого и пьет одна. А так бы мы с тобой составили ей компанию, как истинные доброжелатели.

Вадим почесал за ухом зубочисткой:

– Да, беспорядок. А как у нее с любовниками?

Алка театрально вздохнула:

– Последний раз была замечена с каким-то штатским еще летом, с тех пор наши журналисты никаких сведений о ней не подавали.

Пока эти двое обсуждали подробности моей личной жизни, я опустошила запотевший графинчик. Вадим от неожиданности прервался на полуслове:

– Вот это скорость! Повторим?

Алка запротестовала:

– Мне ее мужу показывать!

– А чего тебе ее показывать? Прислони к двери и убегай. Утром или муж найдет, или кто из соседей с собачкой гулять пойдет... Ну, это если сама вперед не очухается.

Я захрустела огурцом:

– Добрые вы! Лучше скажите, как от мужа избавиться...

Алка с Вадимом дружно расхохотались:

– Ну, есть множество способов. Большинство из них описаны в пособии по криминалистике. Можешь у своего брата

взять почитать. Он тебя даже насчет сроков проконсультирует – за что сколько дают.

Я отмахнулась.

– Я развестись хочу!

Над нашим столиком повисла тишина. Наконец Вадим, как самый разумный из присутствующих, сказал:

– Ты это твердо решила? Он тебя что, не удовлетворяет?

Пьяная икота мешала мне говорить, но я старалась донести свою мысль:

– Если из постели не выходить, то можно жить дальше. У него больше средневропейского...

Друзья мои уже оправились от известия и вновь обрели хорошее расположение духа.

– А откуда ты знаешь про средневропейский? Ты когда в Европе в последний раз была?

Я обиделась.

– Ну вас. Меня уже тошнит.

Алка продолжала веселиться:

– Это ты про мужа или про Европу?

Я нахмурилась.

– Если не перестанешь издеваться, внесу тебя в список рвотных средств.

Алка фыркнула:

– По-моему, она мало выпила, если такие сложные слова говорит.

Вадим стал серьезен.

– Ты хорошенько подумай, прежде чем на развод идти. Все-таки не последний человек...

Алка тут же подхватила:

– Ребенка он тебе не отдаст, это факт. А будешь дергаться – он способен на многое, сама знаешь. Эти депрессивные всех за собой утянут, если им взбрендит.

Я почти ревела:

– Я больше не могу!

Вадим стукнул по столу:

– Ну, хватит! Решила развестись – разводись. И нечего здесь реветь. Ребенка потом забереешь. Поиграет и бросит. Нет у него времени за ним присматривать. Сколько ему уже?

– Двенадцать.

– Не грудной. Так что давай, действуй.

Алка вмешалась с предложением.

– Тебе надо на работу устроиться, ну, чтобы суд был лояльнее и все такое...

– «Все такое», это ты о деньгах?

– Ну, и о них тоже. А главное, чтобы потом не было желания вернуться обратно. Я как-то возвращалась. Поверь, подруга, ничего хорошего из этого не выйдет. Так что лучше сразу научиться жить самостоятельно.

Вадим поднялся из-за стола.

– Вы тут посидите, девочки. У меня кое-какая идея возникла.

Через десять минут он вернулся в компании невысокого

худощавого мужчины.

– Это Стас. Он владелец небольшой турфирмы, они как раз открывают отделение в Эмиратах, так что можешь уехать сразу и надолго.

Мы с Алкой уставились на Стаса и почти одновременно спросили:

– А это возможно?

Стас улыбнулся.

– Это возможно. Правда, там есть свои нюансы, но, я думаю, мы решим все вопросы.

Он выразительно посмотрел на Вадима, и тот спохватился:

– Это Елена.

Он показал на меня. Стас вежливо кивнул и присел рядом со мной.

– Когда вы готовы ехать?

Я, стараясь не дышать на него свежим перегаром, осторожно спросила:

– А когда вам нужно?

Он улыбнулся.

– Завтра.

Я не ожидала такого стремительного разворота событий.

– Завтра?

Стас серьезно посмотрел на меня.

– Ну, если завтра не получается, то можно и в среду. Приезжайте ко мне, поговорим, я введу вас в курс дела.

Он поднялся, вежливо откланялся и вернулся на свое прежнее место, откуда его извлек Вадим.

Мы заказали кофе и больше уже ни о чем серьезном не говорили. Воскресенье заканчивалось на удивление тихо...

12 мая 2006 г. Дубай, Арабские Эмираты

Машина Карла бесшумно въехала на подземную парковку. Водитель показал дежурному пропуск, и шлагбаум медленно поднялся. Карл приехал чуть раньше назначенного часа, но на парковке огромной высоты в центре Дейры уже стоял перламутровый лимузин Председателя. Значит, совещание в полном разгаре. Карл немного нервничал, ведь сегодня решается его судьба – какое место он займет в новом центре и доверят ли ему новый проект, о котором так много говорят в компании в последнее время. Он знал, что большинство членов совета директоров WCI склоняются к тому, чтобы Карл больше не работал один – слишком рискованно, и слишком большие деньги поставлены на карту. В этот центр уже закачали такое количество нефтедолларов, что на их освоение и отработку уйдет не один десяток лет. А долгосрочные проекты не терпят единовластия. Здесь нужна хорошая команда, и вряд ли Карл фон Дитрих сможет возглавить ее.

Мнения разделились. Те, кто вложился по минимуму,

считали, что риск минимален и что Карл в хорошей форме. Все понимали, что фон Дитрих не сможет работать под чьим-либо руководством. Со связанными руками он будет бесполезен для компании. Были еще две фигуры, которые смогли бы занять место Карла – шведский ученый Оливия Свантенсен и американский химик Че Чанг. Однако ни женщина, ни китаец не устраивали Председателя по особым соображениям. Он не хотел иметь дела с истеричной и обидчивой дамой в столь серьезном деле. И не мог допустить, чтобы китайский клан проник во внутренние дела WCI. Служба безопасности уверяла, что этот китаец уже давно не помнит своей родины и несколько поколений его предков жили в Америке, но Председатель не доверял китайцам. Он слишком хорошо их знал.

В огромном кабинете на четырнадцатом этаже Председатель совета директоров WCI Макс Кладо, высокий седеющий мужчина в черном костюме и изумительных черного цвета туфлях перчаточной кожи, передающих малейшее шевеление ноги, стоял у окна. Он любил высотные здания. Высота, казалась, уносила его от уличной суеты и позволяла сосредоточиться на самом главном. А главным для него сегодня было – убедить совет директоров назначить Карла фон Дитриха на пост директора Нового исследовательского центра CORE.

Программы, которыми придется заниматься Карлу, прав-

да, некоторым образом отличались от тех направлений, которыми он занимался прежде, но Макс был уверен в немце больше, чем во всех остальных. А значит, так тому и быть...

Он подошел к своему столу и вызвал секретаря. Молодой человек в сером костюме мгновенно появился в кабинете:

– Карл фон Дитрих в приемной, господин Председатель.

Макс удовлетворенно кивнул.

– Ему не стоит присутствовать на совещании. Попросите его немного подождать. Директора уже собрались?

Секретарь без тени эмоций на свежевыбритом молодом лице сообщил:

– Да, господин Председатель. Отсутствует только господин Борк. Он прислал сообщение, что из-за болезни не сможет приехать и готов отдать свой голос в вашу пользу.

Макс что-то прикинул в уме:

– Пусть начинают без меня. Извинитесь за задержку и дайте мне бумаги по основным портфелям нашего Эмиратского проекта.

– Господин Председатель имеет в виду CORE?

– Да, имею.

Через минуту он уже был погружен в колонки цифр и фамилий. Не отрывая глаз от бумаги, он набрал внутренний номер на огромном аппарате, стоящем строго по центру его огромного стола черного дерева:

– Соедините меня с Лондоном...

Через полчаса Макс вошел в зал заседаний и ко всеобщему неудовольствию заявил:

– Прошу прощения, господа, за вынужденную задержку, но это позволит сократить время при обсуждении некоторых спорных вопросов. Вот, например, вопрос по Эмиратскому проекту я снимаю с повестки.

Поднялся ропот. Макс поднял руку, призывая к тишине, и продолжил:

– Этот вопрос уже решен. Лондон рекомендует назначить руководителем проекта с неограниченными полномочиями господина Карла фон Дитриха, и я поддерживаю решение нашего стратегического акционера...

После того, как страсти улеглись, Председатель послал секретарем записку для Карла. Теперь, не откладывая, можно было передать ему документы и полномочия...

4 апреля 2006 г. Арабские Эмираты

Ранним утром Макс Кладо вышел на верхнюю площадку своего особняка и приказал раздвинуть защитные стекла. Ему захотелось вдохнуть теплый влажный воздух. Ветра не было. Неподвижное утро в преддверии восхода солнца наполнило его волнительным ожиданием нового дня. Пять пятнадцать утра – волшебное время молитв и пробуждений. Он постоял босиком на медленно согревающимся и слегка запотевшем мраморе балконных плит, сделал несколько простых растяжек и вернулся в дом, где на маленьком резном столике в спальне его уже ждал отвар Пяти трав – неизменный напиток начала дня.

Если бы не визит Густава, только что прибывшего из Лондона, он бы провел этот день, наслаждаясь отдыхом. Его особняк стоял за несколько километров от ближайшего человеческого жилья, окруженный безмолвием Пустыни. Все меньше мест, не тронутых людьми, не заставляющих участвовать в бесконечной коммуникации, остается сегодня на планете, и они становятся все дороже.

Макс попал в Пустыню восемь лет назад и был очарован горячим мертвым морем песка. Так, должно быть, выглядит ВЕЧНОСТЬ. Ни лед, способный растаять, ни зелень, спо-

собная увянуть, а именно песок, столь мало подверженный изменениям, притягивал его больше всего. Огромных денег стоило построить и содержать здесь даже скромную, на его взгляд, резиденцию. Но он был готов вкладывать в свое одиночество, потому что здесь, как нигде больше, он восстанавливал свои силы.

Издалека этот дом казался стеклянным кубиком, который случайно обронили в песок. В самом доме не было ни одного личного предмета, который бы указал на предпочтения хозяина. Безликий хай-тек сливался в гармонии с морем песка, окружающим скромный трехэтажный особняк с вертолетной площадкой на крыше.

Макс успел принять душ, прежде чем ему позвонили с пульта охраны. В воздухе уже слышался звук приближающегося вертолета. Стрекотание становилось все более гулким, а значит, через несколько минут он должен быть на рабочем месте.

Прежде чем войти в кабинет, куда секретарь уже проводил гостя, Макс осторожно заглянул через раздвижную кожаную портьеру. Густав Флобе сидел в кресле спиной к нему. Он был в легких холщовых брюках и светлой рубашке без рукавов. Макс мысленно улыбнулся – значит, Густав подчеркивает неофициальность своего визита. Он пробормотал про себя:

– Ну что ж, не будем смущать гостя.

Он отдал слуге-индусу свой пиджак и галстук и вошел в кабинет с выражением умиротворяющей доброжелательности на свежевыбритом лице. Лицо его могло бы считаться красивым, если бы не излишняя правильность черт.

Густав не знал Макса лично, общаясь все больше с его изображением на мониторах во время видеоконференций, и с удовольствием отметил, что живьем Макс совсем не отличался от своей экранной копии. При появлении хозяина Флобе поднялся и протянул руку для приветствия. Макс едва пожал ее, и Густава поразила его холодность. Руки Макса были ледяные.

– Добрый день, господин Кладо.

Макс кивнул и показал на кондиционер:

– Не слишком холодно для вас?

Густав пожал плечами и опустил обратно в кресло.

– Я уже привык. Чем выше статус, тем ниже температура. Это особенность эмиратских приемных.

Макс искренне улыбнулся гостю. Хорошее воспитание и чувство юмора Густава приятно поразили его.

– Мы можем слегка понизить мой статус. Поднять температуру.

– Не стоит, господин Кладо. Я здесь недолгий гость.

Макс устроился рядом на невысоком полосатом диване и вызвал слугу.

– Даже недолгий гость обладает правами. Я угощу вас зав-

траком, а вы мне расскажете последние новости.

– Пользуетесь правами хозяина?

Макс чувствовал симпатию к этому полноватому человеку с небольшой рыжей бородкой.

– Жаль, что раньше мне не пришла в голову мысль пригласить вас сюда. Хотя до сегодняшнего дня у меня не было к вам дел личного характера.

Слуги, бесшумно скользя по мягкому персидскому ковру, ставили подносы с лакомствами и быстро исчезали. Наконец в комнату внесли огромный серебряный кофейник, и все пространство наполнилось ароматом свежесваренного кофе. Макс сам налил гостю тягучую кардамонно-кофейную гущу в маленькую чашечку, размером с наперсток. Густав немного подержал чашку в руке, вдыхая аромат терпкого напитка кочевников, прежде чем сделать первый глоток:

– Бодрит. Мне это весьма кстати после перелетов.

Макс окинул его беглым взглядом:

– Однако вид у вас довольно свежий.

– Привычка.

Допив свою чашку, Макс поинтересовался:

– Бумаги привезли?

Густав кивнул:

– Конечно.

Он наклонился к портфелю, стоявшему возле кресла на ковре, вытащил черную папку и протянул Максу. Пока гость

допивал кофе, Макс успел просмотреть большую часть содержимого.

– Хорошо. И каковы прогнозы?

– Клиентская база сейчас насчитывает больше трех тысяч человек. Это только участники

Крио-программы. Но самые интересные с моей точки зрения – это их наследники.

Макс удивился:

– Почему наследники? Какое им дело до замороженных трупов своих предков?

Густав отодвинул свою чашку подальше от края стола и откинулся в кресле.

– Я постараюсь объяснить.

Макс с готовностью чуть наклонился в его сторону, и Густав продолжил:

– Криоконсервация тела в Институте Аризоны стоит 150 тысяч долларов и 80 тысяч за консервацию одного мозга.

Макс быстро прикинул в уме. В лучшем случае полмиллиарда. Этих денег не хватит даже на покрытие затрат на новую лабораторию. Так что там Густав говорил насчет наследников?

– И как вы думаете привлечь наследников?

Густав вздохнул.

– Это – самая трудная, но перспективная часть Программы. Можете взглянуть на это.

Густав снова достал из своего необъятного портфеля

несколько листов белой плотной бумаги и протянул Максу.

Кладо просмотрел пару таблиц и поднял глаза на Густава:

– Для этого нам нужен Карл фон Дитрих. Немец из Индийского центра WCI.

Густав прикрыл глаза, словно припоминая что-то.

– Это его сейчас лечат от передозировок?

– Уже вылечили. Карл вышел из клиники и ждет нового назначения. Мне пришлось слегка надавить на Лондон, чтобы нам отдали Карла.

В WCI сегодня не все так просто. Нейрофизиологи хотят заполучить фон Дитриха, а нам вместо него отдать научную даму – Оливию Свантесен.

Густав поморщился.

– Я много слышал о ней. И если даже часть слухов правда – она нам не подходит. Слишком нервная.

Макс махнул рукой.

– Пусть ее биотехнологи забирают. Нам нужен фон Дитрих. Я просматривал отчеты о его последних исследованиях. Он ближе всех подошел к решению нашей проблемы.

– Проблемы?

Макс поднялся, подошел к небольшому бюро, стоящему возле самого окна, и вытащил из левого верхнего ящика тонкую серую папку.

– Вот то, что мне прислали из маркетингового отдела WCI пару недель назад.

Густав открыл папку и вынул отчет. Пробежав глазами

статистику, он вздохнул.

– Наследство – странная вещь.

Макс подтвердил:

– И весьма желанная. Только за прошлый год несколько огромных состояний выскользнули из рук потенциальных наследников по причине неправильно оформленных документов или по блажи самих покойников. Судовой верфи, авиакомпании, автомобилестроительные компании, которые мы здесь видим, – все ушло «налево». И оцениваются такие потери в миллиарды долларов.

Густав покачал головой.

– Насколько я могу судить, этот пирог уже поделен. Даже крошек не осталось.

Макс пожал плечами и откинулся на мягкую спинку дивана.

– Конечно. Но я не подбираю крошки.

До Густава постепенно стало доходить, куда он клонит.

– Договора с наследниками?

– Думаю, нам стоит говорить о разумном проценте в делах о наследстве.

Макс выдержал короткую паузу, наблюдая за собеседником, затем пояснил:

– Десять-пятнадцать процентов – разумная плата, которая устроит любого, кто желает прибрать к рукам наследство на законных основаниях.

Густав усмехнулся:

– На законных?!

– Исключительно на законных. Согласно воле покойника и законам о наследовании.

Густав с сомнением посмотрел на хозяина, душевное состояние которого в данный момент вызывало у него опасения.

– И как же покойник выразит свою волю в пользу заинтересованного лица?

Макс просиял:

– А вот это зависит от результатов, которыми нас сможет порадовать господин фон Дитрих. Ведь, в сущности, чем живой человек отличается от покойника?

Густав все еще сомневался в разумности собеседника.

– И чем же?

– Эмоциями и духовностью. Насчет духовности я не силен, так что буду считать основным отличием эмоции. Вы знаете, что существует несколько видов смерти – это зависит от определенных процессов, происходящих в организме.

У меня есть копия одного весьма любопытного древнего документа. Вот, посмотрите.

Подошел к невысокому бюро, стоявшему у окна, и вытащил небольшой кожаный портфель. Откинув магнитный держатель, он извлек документ и протянул гостю.

«Если орган лишился душевных сил, но еще не лишился животной силы, то он живой... Онемевший член или член

парализованный сейчас же теряет силу ощущения и движения, восприятию которых мешает... закупорка, образовавшаяся между мозгом и данным органом в идущих к органу нервах. При этом член все еще живет. Орган, который постигла смерть, теряет и ощущение, и движение и подвергается гниению и разложению. Следовательно, в парализованном органе имеется сила, которая сохраняет ему жизнь».

Флобе бегло просмотрел текст и спросил:

– Здесь речь о временной потере движения и чувствительности?

Макс смотрел на него в упор:

– Случайное недомогание – и пациент в руках опытного врача. Небольшой наркоз – и вживлен микродатчик, подающий мозгу нужные команды. Люди с подобными инсталляциями больше месяца не живут. Но нам это и не нужно. Ведь ставка сделана на смерть пациента, а не на его жизнь.

Густав покачал головой, но его суждения уже не были столь категоричны.

– Здесь сходятся интересы нашего ведомства и программного центра WCI. Думаю, Лондон одобрит Проект.

Густав возвращался в Европу, размышляя о необычном разговоре с Максом Кладо. Да, мозг – странная штука. Живой процессор, куда поступает информация с миллионов крошечных датчиков фронтальной части тела. Тактильные и зрительные ощущения, все обрабатывается и управляется.

Почему бы и нет...

15 мая 2006 г. Дубай, Арабские Эмираты

Ровно в 10.00 Карл сидел в глубоком мягком кресле в кабинете Председателя. Макс Кладо перебирал бумаги на своем столе и исподтишка разглядывал фон Дитриха.

– Вы еще не привыкли к арабскому кофе?

Карл отрицательно покачал головой.

– Я предпочитаю чай, господин Председатель. И лучше черный.

Макс нажал кнопку внутренней связи:

– Принесите нашему гостю чай. Спасибо, мне не нужно.

Потом повернулся к Карлу:

– Эта привычка у вас из Индии?

Карл пожал плечами:

– Не знаю. Может быть. Чай там действительно был превосходный. Таких свежих и ярких ароматов я больше не встречал нигде.

Председатель рассматривал Карла с нескрываемым любопытством.

– Говорят, что вы сутками пропадали в лабораториях и ничем не интересовались, кроме правильно извлеченного

мозга.

Карл нервно скрестил пальцы.

– Именно потому, что я ничем более не интересовался, я смог в полной мере оценить красоту напитка. Он помогал мне держаться без отдыха по несколько ночей кряду.

Макс примирительно развел руками.

– Полноте. Я лишь советую вам попробовать. Эта странная арабская смесь кофе с кардамоном, сваренная на сахарном сиропе, дает небывалый прилив сил. А силы вам сейчас потребуются немалые.

Карл постарался не выдать прежде времени своего любопытства.

– Если бы в нашей работе требовались только силы...

Макс оценил его тактичность.

– Ну, что ж. Перейдем к делу. Вы просмотрели бумаги?

– Конечно. Однако меня одолевают некоторые сомнения.

Макс удивленно вскинул тонкие, четко очерченные брови:

– Сомнения?

Карл скорчил гримасу, как будто во рту у него оказалось что-то нестерпимо кислое:

– Вы меняете мне задачу.

– С чего вы взяли? Вы специалист по мозговой деятельности, насколько я понимаю?

– По мозговой деятельности – да. Но по деятельности живого мозга.

Макс подошел к нему ближе и спросил:

– А сколько он жил?

Карл удивился:

– Кто жил?

– Ну, тот мозг, который вы держали в руках?

– Все зависело от состава, в который его погружали.

Макс продолжал расспрашивать:

– А что потом? Вы останавливали свой эксперимент, как только мозг умирал?

Карл замялся:

– Ну, не всегда...

Макс просиял:

– Значит, вы продолжали эксперименты на мертвом мозге, если они могли обеспечить вам результат?

Карл понимал, куда он клонит.

– Да, вы правы, господин Кладо, но вы предлагаете перейти на опыты с мертвым мозгом, то есть с мозгом людей, которые уже умерли.

Макс снова занял оборонительную позицию за своим столом.

– Вы будете иметь дело с естественной смертью и не будете причастны к варварству, которое имело место в Индии.

Карл тяжело молчал, и Председатель счел, что это благоприятный момент для того, чтобы ввести его в курс дела.

– Сегодня в мире слишком много богатых людей. И они смертны. Раньше их смерть не приносила дохода никому,

кроме прямых наследников, но теперь все может измениться. Люди вкладывали огромные деньги в свою жизнь, но настало время инвестиций в смерть, и не только в свою собственную.

Карл заерзал в кресле. Ему показалось, что в комнате слишком душно. От Макса не ускользнула его нервозность. Председатель слегка понизил температуру на пульте кондиционера и задумчиво покачал головой. Может, он поторопился? Может, этот человек действительно еще не готов? Или уже никогда не будет готов? Отмахнувшись от пустых сомнений, он продолжил:

– Я говорю сейчас о консервации тел, мозга и возможном возвращении им жизни.

Карл рассмеялся:

– Вы шутите?!

Макс грустно улыбнулся:

– Какие уж тут шутки! Я лично ничего в этом не понимаю, но наши директора по развитию считают, что при таком де-нежном потенциале огромное количество людей готовы вложить свои средства в продление жизни. Пусть и краткосрочное.

Карл компетентно заявил:

– Это совсем другая область медицины. Стволовые клетки, пересадка органов, замена отживших слоев ткани и прочее. Но не оживление трупов. Это абсурд.

Макс вздохнул.

– Знаю, господин Новый Директор CORE. И сейчас ваша задача найти в этом абсурде рациональное зерно. Американцы уже вовсю этим занимаются.

Карл усмехнулся.

– Да, я в курсе. У них в Аризоне построено что-то вроде Диснейленда для мертвых.

Там в качестве медперсонала профессиональных актеров набирают!

Макс удивился его осведомленности:

– Актеров? В самом деле? Вот это здорово!

Карла сбила с толку его веселость. Он озадаченно сделал несколько глотков из своей чашки:

– Что же тут здорового?

– А кого заботит, что это не настоящий медперсонал? Мертвых? Им уже все равно. Родственников? У них в тот момент другие переживания и заботы. Зато профессиональные актеры смогут сыграть на их чувствах, успокоить или взволновать, когда это нужно. И подписать все бумаги у родственников, не отходя от покойника, и принести компании немалые деньги. Вы знаете, сколько стоит содержание в особой капсуле замороженного тела?

Карл отрицательно покачал головой. Макс фыркнул.

– И правда! Откуда вам это знать! Вы ведь у нас привыкли к неограниченным бюджетам!

Карл вскинул голову и сжал губы:

– Если бы мои исследования не приносили компании

миллиардные прибыли, у меня бы не было так называемых «неограниченных бюджетов»!

Макс мысленно похвалил себя за то, что сумел расшевелить эту амебу фон Дитриха.

– Значит, вы – тот, кто нам нужен. Если к мертвым инвестициям добавить реальные исследования и результаты, мы увеличим прибыли в несколько раз. И пусть эти американские придурки резвятся со своим актерским балаганом! Мы будем делать настоящие деньги, а вы будете заниматься невероятными по своей сложности разработками!

Карл еще какое-то время вертел в руках чайную чашку, любуясь замысловатым арабским орнаментом, потом поставил ее с мягким стуком на блюдце и поднялся.

– Я должен ознакомиться с делами, прежде чем приступлю к своим обязанностям.

Макс рассмеялся и развел руками.

– А никаких дел пока что нет, мой дорогой. В лаборатории еще не ступала нога человека. Я имею в виду персонал. Две недели назад завершено строительство, но оборудование еще не заказывали.

Макс вышел наконец из укрытия:

– Вы сами сможете укомплектовать его по своему разумению и высказать пожелания насчет персонала.

Карл поинтересовался:

– И когда я должен приступить?

– Немедленно!

Макс сам проводил Карла до дверей и, улыбнувшись гостю на прощание, сказал:

– Добро пожаловать обратно в семью! Я рад, что вы остаетесь с нами...

2 марта 996 г. Бухара

Южный ветер, пришедший с гор, вернул в город болезни. Люди, ослабевшие после долгой зимы, с трудом восстанавливали силы, и на улицах еще не было того оживления, которое обычно наступает с приходом ранней весны. Лекари в этот период пользовались особым расположением не только простых граждан, но и вельможных особ. В городе говорили, что сам эмир Нух ибн Мансур тяжело заболел. Известие об этом быстро распространилось с базарных площадей в самые скромные жилища, и теперь ни одно застолье не обходило вниманием важный вопрос – излечится ли правитель, или в ближайшее время предстоит возносить хвалы его преемнику. Лучшие лекари, приглашенные во дворец, изошлись в кровопускании и приготовлении снадобий, но ничего не помогало. Эмир угасал. Когда надежды на исцеление уже оставили его, он решил попробовать последнее средство, о котором все чаще шептались придворные, – молодого ученого, сына управляющего одного из бюлликов в окрестностях Бухары.

Юноша шестнадцати лет от роду явился во дворец и предстал перед самым эмиром. Правитель исподтишка разглядывал молодого человека, стоявшего перед ним спокойно, без тени смущения или страха. Низко поклонившись эмиру и проделав ряд подходящих церемоний, молодой человек приблизился к ложу эмира. Эмир с трудом открыл тяжелые веки и спросил:

– Как тебя зовут, юноша?

Не поднимая глаз на эмира, молодой человек сказал:

– Хусейн, сын Сина, мой повелитель.

– Для лекаря ты слишком молод. Так ли ты хорош, как тебя расхваливали мои придворные?

– Медицинская наука не из трудных. Я преуспел в ней в кратчайшее время так, что известные врачи стали приходить ко мне за советом.

Эмир усмехнулся:

– А ты не болен скромностью!

Ибн Сина поклонился:

– Я посещал многих больных и потому имею огромный опыт. Передо мной открылись врата исцеления.

– Ну так скажи, лекарь, в чем моя болезнь?

– Болезнь твоя, о могущественный, пришла с южным ветром.

Эмир приподнялся на локте и с интересом взглянул на необычного лекаря.

– Продолжай!

– Южный ветер расслабляет силу и притупляет чувства. Он – причина ухудшения язв и возврата болезней. Этот ветер возбуждает головную боль и навлекает сон. Твои веки отяжелели, и ты постоянно находишься как бы во сне?

– Это так.

Юноша усмехнулся:

– Слабость твоя от кровопускания. Если великий не возражает, я бы хотел приблизиться и ощупать твой пульс.

Эмир слегка напрягся:

– Ощупать?

– Не беспокойся, мне нужно лишь твое предплечье. Оно находится поблизости от твоего сердца, и ты не стеснясь можешь показать мне его. Я и без этого могу сказать причину твоей болезни, но я хотел бы удостовериться.

Эмир прикрыл веки в знак согласия.

– Хорошо.

Ибн Сина взял руку эмира, и то, что он почувствовал, заставило его сдвинуть брови. Он повернул руку эмира на бок и, затаив дыхание, стал считать. Через какое-то время он осторожно опустил руку эмира на подушку и, поклонившись, отошел на почтительное расстояние. Эмир встревожился:

– Что ты узнал? Говори!

– У тебя язва в легких, о правитель. На это показывают также краснота на щеках твоих и ногти на руках твоих, искривленные долгой болезнью.

– И каково будет лечение?

– Я приду завтра и дам тебе густую настойку. И еще пилюли. Ты должен медленно рассасывать их, даже если вкус покажется тебе странным. Язва твоя постепенно зарубцуется, но...

Эмир ловил каждое его слово. Ибн Сина набрался храбрости и продолжил:

– Но если болезнь уже затронула печень, то я смогу лишь продлить твои дни, но не излечить окончательно.

Эмир тяжело вздохнул и, откашлявшись, сказал:

– Ты храбрый юноша, если осмеливаешься говорить мне такое! Приноси свои лекарства, и если болезнь хоть на какое-то время отступит, я дам тебе в награду все, что ты пожелаешь.

В глазах молодого человека зажегся жадный огонек:

– Все, что пожелаю?!

– В словах Ибн Мансура еще никто не сомневался!

Юноша склонился в почтительном поклоне:

– Я бы хотел взглянуть на книги из вашего хранилища, мой повелитель!

Эмир в бессилии откинулся на подушки. Воистину этот молодой наглец не соображает, что говорит!

– Библиотекой правителей-самадинов не может пользоваться простой смертный!

Упрямый блеск сверкнул в глазах Ибн Сины:

– В твоей власти сделать меня шейхом, о правитель. Тогда

я смогу открыто посещать хранилище древних знаний!

Эмир беззвучно рассмеялся. Этот лекарь дорого берет за свои знания! Но слово уже было дано – продление дней эмира стоит подобной платы.

– Да будет так!

Спустя месяц молодой шейх Абу Али Хусейн ибн Сина уже сидел у черного стола сандалового дерева, в большой куполообразной комнате, заставленной ящиками со свитками и древними манускриптами. В руках у него была самая древняя книга по философии и медицине – «Авеста».

– Лечение травами, ножом и словом! Что более всего действительно?

Задумчивый взгляд его остановился на схематическом изображении трех видов сосудов, и он в задумчивости повторял:

– Несущие алую кровь, несущие черную кровь и не несущие ничего... Как можно нести ничего?

Он прошелся в задумчивости по комнате, вернулся к столу.

– Нервные столбы! Они не несут жидкости! Они несут образы и ощущения...

14 апреля 2008 г. Красноярск

Утро понедельника начиналось как обычно – муж наспех позавтракал и убежал, а я сидела в кресле с чашкой кофе и думала, как найти себе подходящее применение. Сумочка лежала неподалеку на журнальном столике, и я, притянув ее к себе, извлекла визитку Стаса. На простом белом фоне – название фирмы и пара телефонов. Я не стала беспокоить туристических девушек на рабочих телефонах и позвонила боссу на мобильный. Несмотря на раннее утро, Стас почти сразу же взял трубку.

– Елена? Доброе утро. Хорошо, что вы позвонили.

Я удивилась.

– Здравствуйте. Как вы меня узнали?

Стас рассмеялся.

– Ну, в это время мне бы не позвонила ни одна из моих знакомых. Так что я сразу вспомнил про вас.

Его логичность мне понравилась.

– Вы еще не передумали насчет меня?

– Других кандидатур у меня нет.

– Куда мне подъехать?

– Приезжайте в офис к одиннадцати.

Я покрутила в руках бумажку и посмотрела адрес. Недалеко. От моего дома минут пятнадцать, если не будет пробок.

Я была в нерешительности. Вечный дамский вопрос – «что мне надеть»? Я лениво отодвинула стеклянную дверь шкафа и взяла первое, что попало под руки, черный брючный костюм и бежевую блузку. Да, значит настроение и впрямь премерзкое, если я не глядя надеваю такое! Завернувшись в кашемир и сунув ноги в самые удобные туфли, я вышла из дома. Было тепло, но ветрено. Вчерашний снег решил растаять, и под ногами была сплошь бегущая куда-то вода.

Доехала я быстро, Стаса еще не было в офисе. Молодая девушка с большим кольцом в пупке дежурной улыбкой приветствовала меня как посетительницу и сразу вручила мне огромный проспект.

– Вы посмотрите, здесь такие картинки красивые! Станислав Алексеевич будет через пять минут.

Стас и вправду появился минут через пять. С кислым одобрением посмотрел на мой наряд:

– Это хорошо. В Эмиратах вам тоже придется ходить закрытой по самые уши.

Я удивилась:

– Мы в прошлом году отдыхали там с сыном. И что-то я не заметила скромности в нарядах соотечественников.

Стас вздохнул:

– Туристам многое прощается за их деньги. А я предлагаю вам работу не на торговой точке и не гидом-переводчиком.

– А кем?

Я почему-то была уверена, что все, кто попадал за рубеж по доброй воле, работали или в гостиницах за 300 евро, или гидами-переводчиками за комиссионные, и требования к ним были соответственно их оплате.

Стас внимательно посмотрел на мои туфли и засомневался:

– Я только понять не могу, зачем вам все это нужно. Вы не производите впечатление женщины, которой нужна работа.

Я запротестовала:

– Нужна! Еще как нужна!

Он примирительно развел руками:

– Ну, нужна так нужна. Но поймите меня правильно. Я бы хотел взять на это место человека, который не скажет через месяц, что передумал и ему здесь не нравится. Если мы договариваемся – вы должны будете проработать в Эмиратах по меньшей мере три месяца.

– Почему три?

– Потому что три месяца – срок для рассмотрения трех-летней рабочей визы. А дальше вы сами решаете – остаться вам на три года или вернуться.

– А если я решаю вернуться?

– Предупредите меня недели за две, и я смогу найти вам замену.

Я согласилась, что это вполне справедливо, и Стас перешел к делу.

– Билеты я вам заказал с открытой датой. Заберете у моего представителя в Москве. Визу поставите по прибытии в Дубай. Вот телефон помощника вашего нового начальника.

Ста с протянул мне визитку. На белом перламутре красовались арабские письма. Я не выдержала и поинтересовалась:

– А сколько лет они учат свою арабскую грамоту?

– Семнадцать лет. Начинают с раннего возраста, так что к совершеннолетию, то есть к двадцати одному году, считаются вполне грамотными.

Я ужаснулась.

– Придется остаться безграмотной. Семнадцать лет я там не протяну!

Стас рассмеялся и пожелал мне удачи.

На том мы и расстались...

12 июля 999 г. Бухара

Смена власти хоть и не удивляла жителей Бухары, но все же страх и любопытство выгоняли толпы людей на улицы, где людские потоки перемешивались, и уже невозможно было разобрать – где местные, а где пришлые. Мелкие воры заскакивали в дома, оставленные без присмотра, и в спешке хватали все, что попадалось под руку. Порою их попытки оказывались безуспешными, и они едва уносили ноги, уворачиваясь от плетей грозных слуг, оставленных хозяевами присматривать за семейным добром.

Дом управляющего Хармайсаном хоть и был полон охраны, но в тот же день подвергся нападению двух неразумных всадников, решивших, что раз город пал без боя, то теперь они смело могут пользоваться добычей. Неожиданный отпор, который они здесь получили, заставил их ретироваться на какое-то время в поисках подмоги, которая не заставила себя ждать, и уже небольшой отряд всадников караханидов попытался взломать невысокую дверь, обитую кованым железом.

Выломав дверь, толпа разгоряченных воинов ворвалась

внутри и прямо у порога натолкнулась на худощавого молодого человека, стоявшего спокойно и неподвижно.

От изумления воины опустили свои мечи и окружили странного юношу. Тот поднял вверх руку, призывая к тишине, и негромко сказал:

– Вы ворвались в дом отца знаменитого врача Ибн Сины, каковым я являюсь! Илек-хан Наср, ваш предводитель, наверняка захочет воспользоваться моими услугами, и тот, кто причинит мне зло, в скором будущем будет жестоко наказан. Вы можете взять мои богатства, но не мою жизнь!

Грабители молчали, пока наконец старший из них не произнес:

– Да будет так, странный человек! Мы возьмем твое добро, а тебя отведем к самому Илек-хану. Но если он не захочет воспользоваться твоими услугами, ты умрешь!

– Почему же я должен умереть?

– Потому что ты попытался одурачить нас!

Воины с гиканьем вытащили Ибн Сину из родительского дома и поволокли во дворец.

Встреча с новым правителем не пугала его. Напротив, он жаждал скорейшей аудиенции у нового правителя. Ведь от того, насколько благосклонно отнесется к нему новая власть, зависела его возможность и впредь посещать дворцовую библиотеку. И он не разочаровал строптивного хана...

Ни беспорядки, ни грабежи, ни постоянный передел вла-

сти среди знати не беспокоили Ибн Сину, пока не все книги были прочитаны. 22 тома по токсикологии Сабура ибн Сабира, «Книга бесед о медицине между врачом аль-Харисом и царем Хосровом Ануширваном» врача арабов, лечившего самого пророка Мухаммада, книги Ибн Исхака по глазным болезням, которые в те времена покупали буквально на вес золота! Восемь книг Цельса и десять книг Орибазия, хирургия Павла Эгейского – эта сокровищница знаний еще ждала и манила его. Лишь закончив изучение этих трудов и положившись на свою необыкновенную память, он ушел ко двору Хорезм-шаха в Ургенч.

14 апреля 2008 г. Красноярск

Садясь за руль, я думала, как лучше преподнести эту новость семье. Пока я в раздумьях пыталась вставить ключ в замок зажигания, зазвонил телефон. Алке не терпелось узнать, как все прошло.

– Так ты едешь или нет?

– Еду. Только не знаю, как сказать об этом дома.

Алка фыркнула в трубку:

– Не веди себя, как мужчина!

– Как это?

Подруга с радостью поделилась опытом:

– Как пакостливый, но трусливый кот. Ладно, если ничего сама не сможешь придумать, звони.

У меня мелькнула надежда:

– А ты уже что-то придумала? Тогда приезжай, мне сейчас думать нечем. Голова забита совсем другим.

Алка пошуршала своей записной книжкой и решительно сказала:

– Раньше пяти не жди.

Я посмотрела на часы. Сейчас около трех. Домой идти не

могу, так что можно пока закупить все, что нужно в дорогу. Я немного обновила свои мазилки, купила краску для волос, чтобы потемнеть, потому что арабские мужчины любят светлых европейских женщин. А мне сейчас меньше всего хотелось любви. Я хотела перемен.

Муж, судя по всему, перемен не хотел и что-то разогревал на плите. Ребенка дома еще не было, так что можно было осторожно начинать разговор. Только я собралась с мыслями, как раздался дверной звонок. На пороге стояла Алка с огромным пакетом в руках. Она протянула пакет моему мужу:

– Держи, только осторожно. Там бутылки. Когда начинаем отмечать?

Муж оторопело смотрел на нее:

– Что начинаем?

Алка подмигнула мне и уставилась на Николая:

– Ты что, не в курсе?

– Нет, я, как всегда, не в курсе.

Подруга деловито прошла в ванную, быстро вымыла руки и вернулась на кухню в полной боевой готовности. Она начала выкладывать из пакета полуфабрикаты и консервы, быстро создавая на моей маленькой кухне большой бардак. Порывшись в ящиках, Алка сунула мужу штопор:

– Я буду резать, а ты пока открывай бутылки.

Николай, не понимая, что это за вечеринка,

удивленно смотрел то на меня, то на нее в ожидании, кто

же из нас первой заговорит. Алка наступила мне на ногу, давая понять, чтобы я помолчала, и начала:

– Я твою жену устроила на работу.

Николай усмехнулся:

– Так это мы трудоустройство празднуем?

Потом повернулся ко мне:

– Может, я буду давать тебе еще столько же на хозяйство, и ты перестанешь придумывать себе работу на стороне?

Алка деловито поинтересовалась:

– Лен, а сколько он тебе дает?

Мне наконец-то удалось поучаствовать в разговоре.

– Прожиточный минимум на троих.

Алка не унималась:

– А сколько у вас прожиточный минимум?

Муж посмотрел на потолок и, закатив глаза, сказал:

– Для меня это коммерческая тайна.

Она резко повернулась к Николаю и сказала:

– А какого черта ты ее держишь дома? Пусть работает!

Муж возмутился:

– Она уже работала. Преподавала что-то в университете, но у меня было чувство, что я спонсировал государство.

Алка удивилась:

– Это почему?

– Потому что университетской зарплаты ей хватало только на бензин.

Алка съехидничала:

– Это куда она так далеко ездила? Ты не проверял?

Николай начинал терять терпение.

– Ну скажи мне, на фиг ей работать? Пусть дома сидит.

Алка покачала головой:

– Не получится!

Николай насторожился:

– Почему это не получится?

– Потому что тебе дешевле будет отпустить ее работать, чем платить неустойку компании.

Муж на всякий случай сел на стул:

– Какой компании?

Алка сбегала в прихожую и вытащила из сумочки какие-то бумаги, свернутые пополам.

– Вот, можешь сам почитать. Это договор с немецкой турфирмой, согласно которому твоя жена обязуется минимум три месяца проработать в Арабских Эмиратах.

– Без моего согласия?

Алка вздохнула и убрала бумажки.

– Милый, посмотри ей в паспорт. Она совершеннолетняя и дееспособная. Твоего согласия не требуется.

Николай начинал сердиться.

– С тем, что она совершеннолетняя, я согласен, а вот что дееспособная – сомневаюсь.

Алка погладила его по голове, как маленького мальчика:

– А ты не сомневайся. Все будет хорошо.

Потом повернулась обратно ко мне:

– Так мы пить будем?

Я обрадовалась:

– Конечно!

Николай все еще не понимал, как это произошло:

– Ал, как ты это ей устроила?

– Что устроила?

– Этот контракт...

Алка покачала головой:

– На самом высоком уровне.

Николай махнул на нее рукой:

– Знаю я твой уровень!

Подруга состроила гримасу и тихо прошептала:

– Нет, дорогой. Не знаешь...

Николай задумался на какое-то время и, глядя мне в глаза, сказал:

– Ты, надеюсь, понимаешь, что это прямой путь к разводу? Ребенка я тебе не отдам.

Тут я взвилась:

– Не отдашь? Отлично! Будешь, как сказал Карлсон, ему родной мамой! Лечить, делать с ним уроки, читать на ночь, стирать, шить костюмы к празднику...

Я немного перевела дух, но долго молчать не стала:

– Ты как маленький мальчик, который решил завести собаку. Он не знает, как трудно ее вырастить! Он хочет себе друга не для того, чтобы о нем заботиться, а чтобы все видели, что у него есть собака! Можешь поиграть! Надоеет –

звони! Заберу!

Такой сумбурной речи от меня никто не ожидал. Алка стала срочно наливать всем коньяк, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Эти двое сидели напротив меня с угрюмыми лицами, а я была счастлива. Потому что обратной дороги у меня теперь не было. Пока родители рядом, за ребенка я не боялась, а значит, можно было что-то изменить в своей жизни.

12 апреля 2007 г. Эмираты

В небольшом кабинете на втором этаже еще горел свет, несмотря на то, что было глубоко за полночь. Два человека за небольшим компьютерным столом не могли оторваться от монитора, хотя глаза у обоих были уже красными и они потирали их каждые пять минут. Один из них был араб лет сорока, невысокого роста с небольшими залысинами на голове, покрытой курчавыми, коротко стриженными волосами. Другой – крупный индус в синей рубашке с длинными рукавами и с необычайно пухлыми губами. Араб взглянул на часы и предложил:

– Я могу сварить кофе, если хочешь.

Индус покачал головой и поблагодарил хозяина:

– Нет уж. Лучше чай. Спасибо.

Хозяин возмутился:

– Думаешь, я не умею варить кофе?!

Индус, продолжая что-то набирать на компьютере, не повернув головы в его сторону, спокойно сказал:

– Не умеешь. Я пробовал как-то, что ты варишь. Лучше чай.

– Ладно, Мустафа, как хочешь. Долго нам еще здесь сидеть?

– Если сидеть, то долго. А вот если ты напряжешься и вспомнишь хоть что-нибудь, то дело может сдвинуться.

Араб вскипел:

– Что еще я должен вспомнить?! Я все тебе рассказал!

Мустафа, не дожидаясь хозяина, сам поднялся из-за компьютера и включил чайник, стоявший на стеклянном столике у стены. Постоял немного, слушая, как нагревается вода и вверх всплывают первые пузырьки.

– Султан, я не знаю, что искать. Потому и перебираю все варианты. Но если ты вспомнишь...

Араб простонал.

– Хорошо. Давай все сначала.

Мустафа присел рядом на краешек своего стула и навис над арабом, как большая черная гора.

– Ты встречал в порту контейнер с индийскими девушками...

– Да, это было в феврале.

Мустафа закурил:

– Зачем ты связался с индусами? Они же продадут при первой возможности! Почему не ввозил русских или украинцев?

Султан тоже потянулся за сигаретами:

– Русские совсем дикие. Они, как волчицы, сбиваются в стаи и становятся опасными. Ты слышал, как в прошлом ме-

сяце две русские проститутки убили клиента?

– Араба? Местного?

– Да.

Мустафа нахмурился.

– Не повезло девкам. Лучше бы они тебя убили.

Султан нахмурился.

– Это были не мои. Они работали на Давида, он теперь в бегах.

– Вернулся в Грецию?

– Не знаю.

– Ладно, вернемся к твоим индускам. Сколько лет было девушкам?

– Кому тринадцать, кому пятнадцать.

– Молодые.

– Только молодые и пользуются спросом. Старых я никому не продам.

Мустафа положил пакетик с чаем в кружку и залил кипятком.

– Ты говоришь, что рассчитался за девушек и посадил их в автобус, а сам поехал следом на машине. Так?

– Да, все так. Но на ближайшем перекрестке мою машину остановили полицейские, а автобус поехал дальше. И что стало с моим товаром, я не знаю.

– Не понимаю, зачем тебе так рисковать?

Султан затушил сигарету и прошипел:

– Слушай, Мустафа, на туристах с пятидолларовыми над-

бавками не заработаешь. Я плачу за содержание своих детей, за офис, за работников, за содержание дома. А если со мной что случится?! Я и так уже отсидел два года за проституток! Мне нужны деньги, а торговать наркотиками религия мне запрещает!

– А людьми торговать она тебе позволяет?

– Ты слишком дерзок, Мустафа. Не забывай, что это я тебе плачу!

Мустафа примирительно поднял левую руку.

– Ладно, не кипятись. Вычислим мы твоих девушек. Языка они не знают, денег у них нет, так что далеко не уйдут. А что с водителем автобуса?

– Он пропал. На работе больше не появлялся. Я узнавал в той фирме, где нанимал автобус.

– Может, хозяин в доле? Вот и сказали тебе, что водитель пропал. А сами забрали груз и продали.

– Я проверял. Мой человек дежурил там несколько дней.

– Сам автобус в гараж не приедет. Кто-то же его привел!

– Нет. Они нашли автобус на окраине Дубая. Никого там не было. Ни водителя, ни девушек. Меня развели, как... Кто теперь вернет мне мои деньги?

Мустафа вернулся к компьютеру.

– Если девушки разбежались, кто-нибудь наверняка захочет прибрать их к рукам. Я дам несколько объявлений в сеть, что богатый индус хочет познакомиться с соотечественницей лет пятнадцати. Дам свой телефон и буду ждать.

– Я не могу ждать! Клиенты недовольны, я обещал им еще на прошлой неделе, что привезу товар.

Мустафа просмотрел несколько сообщений, но ничего подходящего не было.

– Может, конкуренты? Давид в бегах, но его семья работает.

– Они не возят из Индии. У них своего товара полно.

– Ты же сам говорил, что их товар гораздо старше и часто болеет. А твой – молодой и чистый. За это тебе и платят. Может, они решили расширить бизнес?

Султан вздохнул.

– Им сейчас не до этого. Проблем много, а денег мало. У меня там есть человек, так он говорит, что они даже за прошлый месяц с людьми не рассчитались. Тут не до расширения бизнеса.

– Но, если тебя остановили полицейские, значит, кто-то знал, что ты уже получил товар. И остановили тебя неслучайно.

– Знаю, Мустафа. Только не знаю, что мне теперь делать.

– Я постараюсь узнать, кто навел на тебя полицию, а тебе лучше лететь за новой партией товара.

– Куда лететь?

– Ну, хоть в Бахрейн. Там сейчас избыток малолетних, мне вчера друг звонил, предлагал поразвлечься.

– Ладно, звони своему другу. Пусть оставит для меня дюжину девственниц.

Мустафа набрал номер, долго и шумно разговаривал с кем-то, потом передал трубку Султану:

– Сам скажи, когда тебя встретить и где хочешь остановиться.

Султан, перебросившись парой фраз, перешел на одно из наречий, которое Мустафа не знал. Через полчаса он попрощался, весьма довольный собой. Значит, договорился о предварительной цене. Последнюю цену он назовет на месте, когда сам убедится в качестве товара.

Утром на следующий день Мустафа вновь появился в офисе, хотя все программы работали исправно и заявок на техобслуживание никто не делал. Он поздоровался с работниками и прошел напрямик в кабинет Султана.

Султан удивился его визиту, но виду не подал. Мустафа отказался от кофе и сразу же перешел к делу.

– Я нашел твой товар.

Султан воздел руки к небу.

– Слава Аллаху. И где же он?

– Он в руках людей, которые могут доставить тебе много неприятностей, если ты будешь глупо себя вести.

Султан в недоумении смотрел на молодого человека:

– И что же мне делать?

– Лети в Бахрейн, как ты и планировал. А за товар с тобой рассчитаются. И будут еще заказы.

Мустафа вытащил из своего необъятного портфели и по-

ложил перед Султаном проспект CORE. Султан недоверчиво посмотрел на Мустафу, сидящего напротив, потом на большие серебряные буквы на черном глянце проспекта и рассудил, что выбирать не приходится.

Выйдя из офиса Султана, Мустафа позвонил Густаву.

– Да, господин Флобе. Все, как вы говорили. Он согласился. Можно считать вопрос с поставками решенным. Он все возьмет на себя.

5 мая 2007 г. Арабские Эмираты

События развивались сами собой, и моего участия, казалось, вовсе не требовалось. В Москве я забрала билет у представителя «Экспресс-лайн», дневным рейсом вылетела в Эмираты и оказалась в другой жизни.

Как только в самолете открыли двери, или как это у них там называется, внутрь проник горячий влажный воздух, пропитанный необъяснимыми ароматами. Второй терминал аэропорта Дубая, куда мы прилетели, – совсем небольшой, и все формальности заняли около получаса. В зале прилета народу было немного, в основном встречающие и агенты развлечений, всовывающие зазевавшимся туристам яркие проспекты экскурсий и свои визитки. Я обвела взглядом всю эту цветастую публику и остановилась на высоком парне с густой шевелюрой. Это, наверное, чтобы от жары спастись, вместо тюрбанов и головных повязок. Как негры в Африке. Парень оперся о подоконник и что-то жевал, не обращая на меня никакого внимания. Я подошла ближе и спросила:

– Мне нужен представитель «Айша туризм». Не подска-

жете, кто?

Парень уставился на меня с подозрением, посмотрел на бумажку, которую сжимал в руке, и задал встречный вопрос:

– Вы Елена?

Я кивнула. Он снова сверил мое изображение с факсовым вариантом. У него что-то не сходилось, но он старался не показаться невежливым.

– Вы не очень-то походите на свою фотографию.

Я пожала плечами.

– Так ведь это факсовый вариант. А вам что больше нравится – факс или натура?

Парень задумался, взял мой чемодан и направился к выходу. Я двинулась за ним:

– Что-то не так?

Он остановился, еще раз внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Мы думали, что вы выглядите старше, солиднее. Как на факсе.

– Вас что-то смущает в моем виде?

Парень неожиданно протянул мне руку:

– Али.

Я пожала большую теплую ладонь и постаралась наладить отношения:

– Зачем вам солидная женщина? Может, подойдет просто серьезная?

– У нашей компании были неприятности, но теперь все

устроилось. Поэтому нам бы подошла женщина, которая выглядела бы солидно в глазах клиентов.

Мы вышли на улицу. Горячая влажность воздуха и абсолютно сухая земля. Странное сочетание. Я вспомнила парилку и постаралась дышать правильно, чтобы не обжигать легкие. Али смотрел на меня с сочувствием:

– Привыкнете.

Аэропорт оказался совсем недалеко от города, и мы через тридцать минут уже стояли в холле гостиницы. Али переговорил о чем-то с управляющим, и тот понимающе кивнул. Пока на reception оформляли документы и искали горничную, чтобы приготовить номер, Али предложил посидеть на диванах. Я попыталась выяснить, какие неприятности посетили фирму:

– Эти неприятности связаны с законом или с персоналом?

Али постарался уйти от прямого ответа:

– Суд Шариата суров. Не всегда можно знать, за что ты пострадал.

Я ничего не поняла. Кроме того, что суд был суров.

– И какое же наказание понесла компания?

Али закурил:

– Компанию закрыли. Пришлось открывать новую. Но директора уже выпустили из тюрьмы!

Я не знала, радоваться мне, что директора выпустили, или можно еще успеть на обратный рейс. Али директорская судимость ничуть не смущала. Он постарался ввести меня в

курс дела:

– Вы будете заниматься визами и бронированием. Ну, и в особых случаях сопровождать клиентов.

– Эскорт-услуги?

Али засмеялся:

– В вашем возрасте?! Нет, я же сказал, что нам нужна солидная женщина!

– Тогда поясните мне термин «сопровождать клиентов».

Он серьезно посмотрел на меня и сказал:

– Водить их по магазинам, ресторанам. Ездить с ними на экскурсии.

Я немного расслабилась.

– Ну, ладно. Это я смогу. А чем вы занимаетесь?

Али затушил сигарету и улыбнулся:

– Я ваш коллега. Только вы будете работать с русскими, а я с арабами.

– Тогда можно перейти на «ты», если мы коллеги. К тому же я недостаточно солидная.

Али с радостью согласился и помог донести чемодан до моего номера.

Номер оказался достаточно просторным, с большой двухспальной кроватью. Посмотрев на кровать, Али вздохнул:

– Все-таки жаль, что ты не такая старая.

Я пыталась скрыть свое женское негодование:

– Это еще почему?

– Потому что Султан – мужчина любвеобильный. Сама узнаешь.

Я сбросила туфли и подошла к окну. Двухслойные портьеры говорили о том, что солнце здесь нещадное. Теперь меня больше всех прочих занимала проблема любвеобильного Султана:

– У него что, женщин здесь не хватает?

– Хватает. Любви в городе много. Только он не хочет простых, которые с улицы. А те, кто здесь работает легально, его любви не хотят. Вот если бы ты была такая же страшная, как на том факсе, все было бы нормально. А теперь...

– А что теперь? Я сюда работать приехала, а не за любовью!

Али вздохнул и уселся в кресло.

– Но ты на всякий случай будь готова.

– К чему?

Он отвел взгляд и вкрадчиво сказал:

– Султан умеет добиваться своего.

– А что же тогда он в тюрьме делал?

Али усмехнулся:

– Что делал? Сидел!

Я шутку оценила и выпроводила словоохотливого коллегу. На прощанье Али дал мне инструктаж на завтра:

– Я приеду к девяти утра, так что к этому времени постарайся позавтракать. Жди моего звонка в номере, на улицу не выходи. Когда позвоню – спустишься, и поедem в офис.

Знакомиться с остальными...

12 августа 1005 г. Бухара

Молодой человек в высоком тюрбане шел по улице, прижав к себе мешок, в котором лежало все его имущество – несколько книг, немного еды и одежды. На его красивом умном лице была печаль. Наверное, бог проклял Бухару, если этот город подвергается полному разграблению каждые семь поколений! С приходом новых завоевателей, занятых лишь дележом богатой добычи, все приходится начинать заново. Торговля и порядки умирают, на улицах страшно ходить не только с наступлением темноты, но даже днем. Хусейн вышел за городские ворота и, даже не оглянувшись на безумный город, двинулся в путь.

Путь его лежал в Ургенч – столицу Хорезма, где, как он слышал, процветали науки и множество великих умов собирались под защитой и покровительством Хорезм-шаха Аббас-лаббаса Ма-муна. Хусейну было что показать этой ученой публике, в его мешке лежала книга «Исследование о душевных силах», которую он написал еще семнадцати лет от роду. Были у него и более поздние сочинения о риторике и поэзии,

но медицина привлекала его более всего. Абу Али не боялся дороги и временных трудностей, более всего его тревожило, как будет принят он, молодой человек, этими умудренными жизненным опытом учеными мужами. Конечно, слухи о нем уже разошлись в тех краях, куда он направлялся, и даже сам Махмуд Газневи приглашал молодого ученого к своему двору. Хвала богу, ему достало сил, чтобы отказаться от предложения жестокого и капризного султана, стремившегося собрать в своей неприступной крепости Газне самых лучших ученых, каких только можно было найти. Авиценна предпочел Ургенч, вызвав гнев великого Махмуда, и сейчас все мысли молодого человека занимала предстоящая встреча с Абалаббасом Мамуном.

К его удивлению, он был принят довольно любезно не только шахом, но и придворными философами, не усмотревшими в нем никакой опасности для себя. Проблему составлял лишь Абулхайр ал-Хаммар, лучший медик двора хорезмшаха, до того времени пользовавшийся непререкаемым авторитетом во дворце. Поначалу Хусейн пытался наладить отношения и с ним, но ревность и страх быть отвергнутым стали непреодолимой преградой, которую воздвиг Ал-Хаммар. Кто знает, сколько бы продолжался этот дурной мир, если бы не случай.

Шах Мамун занемог, и консилиум медиков, созванный

главным визирем, был единогласен: все признаки отравления налицо – шаха знобило, он терял силы и падал без сил от малейшего напряжения. Шаха поили бульоном и вином с чесноком, окуривали благовониями, заставляли чихать, растирали устье желудка, дули ему в рот и выщипывали волосы, но все безрезультатно. Абалаббас Мамун терял силы. Проверки на кухне ничего не дали, выявить отравителя никто не смог. На всякий случай казнили несколько поваров, но ситуация не изменилась.

Ибн Сина, который вместе с остальными докторами был приглашен к расследованию и лечению, также осмотрел шаха. После осмотра он подтвердил: это отравление, и яд из наихудших, тех, что противоположны натуре человека. Эти яды труднее всего лечить. Поняв, что самому ему ничего не узнать – столь заметной была его фигура среди придворных, он отправил на кухню своего слугу, чтобы тот порасспрашивал как следует. Выдав слуге несколько монет, Ибн Сина напутствовал его:

– Десять монет – достаточно для того, чтобы развязать язык и страже визиря. Думаю, что такой смышленный юнец, как ты, обойдется и четырьмя. Остальные можешь оставить себе, и разузнай все как следует.

– Что же я должен узнать, мой учитель?

– Узнай, кто имеет доступ к телу шаха, с кем он общается.

Ученик замялся:

– Вы говорите о гареме?

– Конечно. Мне нужно знать, кто сейчас его любимые наложницы и каково их самочувствие.

Авиценна знал, что порой невольниц кормят ядом, чтобы убить владык, которые имеют с ними общение. И если его предположение верно, то среди любимых наложниц сейчас есть несколько тяжелобольных. Наутро слуга пришел чуть рассвело и рассказал, что две самые любимые наложницы шаха заболели. Да так, что одна из них вот-вот испустит дух. Ибн Сина спросил:

– А можешь ли ты описать мне недуг, которым страдают наложницы?

– Их знобит, и они вялые. Это сторож говорит, у него приятель – евнух при купальне. Сторож с этим евнухом в кости играет, когда женщины уже спят.

Авиценна подумал и дал юноше еще пару монет:

– Узнай, не меняли ли недавно черных служанок, тех, что прислуживают женщинам в гареме.

Юноша пропал еще на полдня и вернулся весьма довольный:

– Все, как вы и говорили, учитель. Месяц назад в гареме произошел несчастный случай – в бассейне утонула служанка, и на ее место взяли новую.

Ибн Сина удовлетворенно кивнул и строго посмотрел на слугу:

– Хоть слово кому-нибудь скажешь об этом – тебе отрежут язык!

Слуга побелел от страха и прошептал:

– Я буду нем, мой господин!

Вечером того же дня Ибн Сина встретился с визирем:

– Мой досточтимый господин, теперь я могу начать лечение нашего солнцеподобного шаха Абалаббаса Мамуна!

Визирь удивился:

– Почему же только сейчас? Вы знали, что он болен, еще несколько дней назад!

Ибн Сина покачал головой:

– Несколько дней назад мои старания не принесли бы облегчения нашему шаху.

Визирь остановился и пристально посмотрел на ученого.

– А что же теперь?

– Теперь я знаю не только как вылечить болезнь, но и как устранить причину, ее породившую. Ведь если не вырвать корень зла, он пустит новые ростки, и это сделает бесполезным все мои усилия.

Визирь погладил свою бородку и покачал головой, стараясь не выдать охватившего его волнения:

– Значит, вы увидели корень зла?! И где же он?!

– В гареме!

Визирь не ожидал подобных заявлений от человека, казавшегося вполне разумным. Он разочарованно махнул ру-

кой и сказал:

– Идите с миром, Авиценна! Я не буду рассказывать о нашей беседе никому, чтобы не повредить вашей репутации!

Авиценна в свою очередь поклонился визирю со словами:

– Ценю ваше доброе отношение ко мне, о визирь! И в свою очередь никогда не буду упоминать о том, что предупреждал вас об опасности, проникшей в гарем великого шаха!

Визирь, склонившийся в прощальном поклоне, резко выпрямился и спросил:

– Опасность проникла в гарем?!

Авиценна поведал о своих подозрениях:

– Месяц назад в гарем приняли новую служанку, и в то же время заболел наш повелитель. Ходят слухи, что две любимые наложницы шаха больны, а ведь он имеет с ними общение столь тесное, что болезнь легко может передаться. Больше мне вам сказать нечего, и я полагаюсь на вашу расторопность.

Визирь почтительно склонился перед своим собеседником:

– Вы спасаете мне жизнь, Авиценна! Можете рассчитывать на меня впредь!

Он удалился, оставив Ибн Сину, который в свою очередь поспешил к постели больного. Через неделю хорезмшах уже мог самостоятельно вставать со своего ложа и прогуливаться в компании новой наложницы.

3 июня 2006 г. Эмираты

Когда последние дети покидали школу Корана, к дому подъехал автомобиль, каких было тысячи на эмиратских дорогах. Бросив свою машину прямо у центрального входа, мужчина быстро вошел внутрь. Позвонив несколько раз в дверь, он с нетерпением посмотрел на часы и достал телефон. Однако звонить ему не пришлось, потому что сухоощавый старик в сомнительно белом тюрбане открыл дверь и поклонился гостю.

– Добро пожаловать, господин Густав, в нашу скромную обитель.

Густав Флобе с большим почтением поклонился в ответ неприметному человеку, встретившему его у двери.

– Да продлит Аллах дни ваши, мудрейший.

Старик покачал головой.

– Это шейх Салим – мудрейший. А я всего лишь его скромный помощник. Входите, господин, учитель сейчас освободится.

Густав отказался войти и объяснил свое поведение, удивившее старика Назира:

– Мой визит предназначен вам, господин Назир. И никоим образом не побеспокоит учителя Салима.

В глазах у Назира мелькнула тревога.

– Мне? Чем же вызван интерес ко мне у такой важной особы?

Флобе отвел старика в сторону и тихо сказал:

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Это касается вашего отца.

Старик вздохнул.

– Не думал я, что под старость лет мне придется ворошить прошлое своей семьи. Однако если этот разговор неизбежен, я бы предпочел предаваться воспоминаниям в каком-либо другом месте, более для этого подходящем.

Густав согласился:

– Если вы не возражаете, я подожду в машине, пока вы освободитесь.

Старик не возражал, и через полчаса они уже ехали вдоль залива по направлению к временной резиденции Флобе.

Дом Густава был небольшим, но довольно комфортным. Большая гостиная, уставленная невысокими диванами и стилизованными сундуками, два больших мягких ковра из Ирана и невысокий кофейный столик, на котором стоял серебряный кофейник в восточном стиле и большой поднос со сладостями. Мягкий полумрак и прохлада располагали к неспешному общению. Густав усадил старика на диван, где

тот буквально затерялся среди множества больших полосатых подушек, и придвинул столик с угощениями поближе. Старик вежливо отказался от сладостей, но согласился выпить с Густавом чаю.

Густав постарался как можно осторожнее начать разговор:

– Что заставляет вас, потомка столь славной семьи, жить в бедности, простым служителем при школе Корана?

Старик задумался.

– Вы преувеличиваете мои достоинства. Если бы я действительно был богатым наследником, как вы полагаете, то мы бы сейчас с вами не вели этот разговор.

Густав настаивал:

– Так что же могло заставить вас бросить родину, друзей и отправиться сюда, в дикую страну из песка и обмана?

Старик улыбнулся.

– Обман, или мираж, есть в любой стране. Только здесь он очевиден. Потому что здесь его нечем скрыть.

Некоторое время они сидели молча, каждый со своей чашкой и со своими мыслями. Оба мужчины боялись и ждали этого разговора, но никто не хотел сделать первый шаг. Густав не хотел спугнуть старика, чтобы тот не заперся в своей раковине из страхов, а Назир не хотел казаться навязчивым со своими воспоминаниями. Наконец Густав, как более

молодой и нетерпеливый, спросил:

– Вы сохранили что-нибудь в память о родине?

Назир поднял голову и улыбнулся:

– Зачем? Зачем хранить то, что должно умереть?

– А ваш отец?

– Мой отец был священником. Да вы и сами знаете.

– Я знаю лишь, что перед вами открывалось большое будущее. Вы – потомок древнего рода, вашим отцом был священник, обладающий даром предсказания...

Старик сдвинул брови.

– Никакого будущего там, на родине, у меня быть не могло. Я – сын священника, обвиненного в колдовстве. Я не просто уехал из родных мест, я бежал. Ночью, как вор. Мне довелось увидеть, как разрывали и оскверняли могилу отца. Как вытащили из гроба тело и надругались над ним. Как отрезали голову и вбили колья в тело родного мне человека!

Старик задрожал от ярости. Густав постарался успокоить его:

– Но вы же ничего не могли сделать.

Назир печально вздохнул:

– Я и сейчас ничего не могу сделать. Они сожгли его.

Густав знал, что если бы мэрия небольшого греческого городка не затеяла тогда, в тридцатых годах, перенос церковного кладбища, этот неприметный старик, сидящий сейчас перед ним, не бежал бы с земли своих предков и никогда бы он, Густав, не напал на след древних книг.

Из-за этих книг и началось расхождение греческой и римской церкви — католиков и православных. Католики первыми начали переводить с древних языков эти книги и натолкнулись на нечто ужасное, противоречащее самой природе человека и Земли. Не в силах отказаться от запретного плода, они объявили его божественным даром и отнесли к лику святых каждого, чье тело не подверглось разрушению в веках. В то же время Константинопольская Ортодоксальная церковь, владеющая большинством книг, богатая и могущественная, предпочла не иметь дела с ересью и признала нетленность мертвого тела противоестественной.

Когда на старом греческом кладбище эксгумировали тело священника, умершего в прошлом месяце, гроб случайно открылся, и взорам носильщиков предстало отлично сохранившееся тело отца Назира. Бросив в ужасе свою ношу, служащие бежали. И в тот же день по небольшому городку поползли ужасные слухи. Семью покойного, ранее почитавшуюся среди горожан, стали обходить стороной, а потом и вовсе начались гонения. Страхи множились, превращаясь в неуправляемую дикую стихию. И вот уже несколько сильных мужчин, подкрепленных изрядным количеством спиртного, подожгли дом Назира, подперев двери так, чтобы никто не смог выйти. Назир в тот день допоздна засиделся в церковной библиотеке, где проводил почти все свое время, занима-

ясь переводами с арабского и персидского языков. И лишь звук колокола, возвещающего бедствие, оторвал его от книг и заставил броситься к дому, от которого уже почти ничего не осталось. Стоя в стороне от толпы, он понял, что его несчастья только начинаются и прав был отец, когда предупредил его, что книги целиком завладевают жизнью тех, кому пришлось вникнуть в их суть.

Назир не плакал, боли не было, только усталость. Эти книги отнимали слишком много сил, он становился их рабом. Мысленно простившись с домом, он побрел обратно к церкви, но на этом его мучения не закончились. Подойдя к церковной ограде, он вынужден был бессильно смотреть, как обезумевшие люди творили зло.

Назир тихо пробрался в церковное хранилище, стараясь остаться незамеченным, сложил в мешок книги и ушел прочь из города. Через полгода скитаний он отправился навстречу неведомой и жестокой стране, пропитанной алчностью. Назир, как человек грамотный, поступил в услужение к местному священнику, а потом к учителю Корана. И до сего времени никого не интересовало его христианское прошлое.

Густав не мешал старику предаваться воспоминаниям, пока Назир сам не спросил его:

- Почему ваша компания интересуется мною?
- Потому что именно вы написали рассуждения на тему

души. Не ваш отец, как можно было подумать.

Назир удивился.

– До сих пор никого не волновало, кто автор. Мне было всего пятнадцать, и никто бы не взялся опубликовать мысли несовершеннолетнего. Отец согласился поставить под ними свою подпись, и опус сразу же взяли. Местный священник тогда даже прочитал несколько проповедей на эту тему.

– Опасная тема для деревенского служителя.

Назир улыбнулся.

– Душа не опасна. Опасны неправильные рассуждения о ней.

– И тем не менее чаще всего люди рассуждают о душе.

Назир поднялся со своего места и в задумчивости прошелся по комнате.

– Вы читали мой опус и знаете, что я согласен с древними, предполагавшими наличие у человека двух душ. Одна из них – животная, привязанная к телу, а другая – нетленная, свободный парящий дух.

Густав следил за перемещениями Назира, готовый вступить в разговор.

– Эту тему поднял еще в десятом веке Ибн Сина в своих медицинских трактатах.

– Да, но этот врач был далек от священных церковных обрядов. Почему, скажите, такое внимание уделяется похоронам? Особенно на Востоке?

Густав молчал, полагая, что сейчас не время рассуждений,

и Назир продолжил:

– Что можно считать моментом смерти человека?

Он смотрел на Густава, и тот вынужден был хоть что-то ответить:

– Кто говорит про остановку сердца, а кто о моменте, когда душа покидает тело...

Назир почти вплотную приблизился к Густаву и, заглянув ему прямо в глаза, спросил:

– Тогда почему человека не хоронят сразу же после того, как доктора признали тело мертвым? Почему подготовка его похорон занимает столь долгое время и стоит недешево?

Густав согласился с ним.

– Даже сегодня ритуалы сохраняют свою силу. Мы также страдаем и боимся. И хороним своих покойников на третий день.

Назир сел обратно на свое место, устав от напряжения.

– Да, в момент смерти от человека отлетает его нетленная душа – та, что будет искать себе следующее тело, чтобы вернуться в мир людей. А на третий день человек прощается со своей животной душой, своими жизненными силами. Говорят, что человек все видит и слышит, пока третья лопата земли не брошена на его могилу.

Густав налил ему чай и спросил:

– Почему многие христианские обряды предписывают класть монетки на глаза и в рот покойника?

Старик раздосадовано махнул рукой:

– Глупые люди от всего хотят откупиться! Они полагают, что монеты закроют уста и глаза покойника лучше всего. И он не будет высматривать себе того, чью душу можно взять себе и чьи жизненные соки можно выпить. Ничья душа или дух не проникнет в безжизненное тело, если лежат монеты.

Густав насторожился, а Назир, словно не замечая его присутствия, продолжал:

– Душа создана для смертных и пребывает в них. Дух – существо бестелесное, которое не может быть связано с тленным телом...

Старик увлекся, и беседа продолжалась глубоко за полночь. Густава мучили сомнения. Он чувствовал, что старик уже рассказал ему нечто важное, но никак не мог поймать эту ускользающую нить.

Назир уже давно ушел, а Густав все прокручивал в памяти некоторые обрывки фраз Назира: «Древним были известны законы мироустройства, но люди, получавшие к ним доступ, использовали их по своему разумению. И натворили много бед. Поэтому некоторым книгам лучше исчезнуть, ведь никто не знает, что будет, если они попадут в руки слабых людей».

Потом Густав лег на диван, на котором еще недавно сидел Назир, и взял телефон. Подумав еще какое-то мгновение, он набрал номер Макса Кладо:

– Вы были правы, господин Кладо.

У Макса от волнения перехватило дыхание:

– Так значит, книга у него?

– Я уверен в этом. И еще я уверен, что ни за что на свете он не захочет расстаться с ней...

6 мая 2007 г. Эмираты

Проснулась я рано, сказывалась разница во времени. В шесть часов я лежала на кровати, уставившись в потолок, и думала, как убить три часа до приезда Али. Душ занял минут двадцать, одевание еще полчаса. Так что оставалось два часа неубитого времени. Я спустилась в холл в надежде узнать, где здесь ближайший банкомат. Девушка на ресепшн оказалась испанкой, так что мне пришлось переваривать ее испанский английский. По ее версии выходило, что всего в квартале отсюда есть то, что мне нужно. Посмотрев на часы, я решила не брать машину и прогуляться пешком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.